

СТИХОТВОРЕНИЕ А. ТВАРДОВСКОГО «ОГРОМНЫЙ,
ГРУЗНЫЙ, МНОГОМЕСТНЫЙ...» В КОНТЕКСТЕ ЕГО
ТВОРЧЕСТВА (ОПЫТ АНАЛИЗА)

Среди последних прижизненных публикаций А. Твардовского есть цикл стихотворений, который создавался в течение 1967—1968 годов и впервые был опубликован в первом номере журнала «Новый мир» за 1969 год. В цикле вошли такие лирические шедевры позднего Твардовского, как «Отыграли по дымным оврагам...», «На дне моей жизни...», «Чуть зацветет иван-чай...», «Там-сям дымок садового костра...», «Полночь в мое городское окно...», «Допустим, ты свое уже оттепал...», «К обидам горьким собственной персоны...» и др. Это не очередная, хронологией лишь объединяемая, подборка стихотворений, а именно цикл, организуемый единой, по выражению поэта, «генеральной думой»¹. Цикл — из итоговых: речь идет в нем о смысле и цели человеческой жизни, о сущностных ценностях человеческого бытия на земле, как открываются они разумному существу в предчувствии близости неизбежного предела. Личное, сокровенное, исповедальное поднимается поэтом до высоты общечеловеческого. В финале завершающего цикл стихотворения о таком преображении заветного в общезначимое говорится как о суровой доле художника:

Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя пашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль².

Среди этих философски осмысливающих жизнь и место человека в ней стихотворений своей «непритязательностью», отсутствием видимой связи с «генеральной думой» цикла выделяется одно — о самолете, который, кстати, нигде прямо не назван самолетом:

Огромный грузный, многоместный
И тесный — через всю страну
Тянул в пустыне поднебесной
Свою тяжелую струну.

С натугой ровной делал дело,
Тянул — ни крепов, ни толчков.
И небо ниже синело
Кой-где в разрывах облаков.
По стрелкам выверенным правил —
Видна земля иль не видна.

¹ Ваншенкин К. Письмо Твардовского. — День поэзии. 1972. М., с. 217.

² Твардовский А. Т. Собрание сочинений в шести томах. Т. 3, М., 1978, с. 201. Все цитаты из А. Твардовского, кроме особо оговоренных, даются по этому изданию.

И, как канат на переправе,
Брунжала басом та струна³.

А. Турков, отталкиваясь от сравнения самолета и переправы, попытался ввести это стихотворение в тот очень важный у Твардовского ряд произведений, в которых поэт «воспевает живую преемственность культуры, настойчиво напоминает о нашей ответственности перед предками и потомками»: «...вот он (Твардовский — Ю. А.) улавливает, что мотор современного самолета гудит, «как канат на переправе», и вроде бы совсем ушедшая в прошлое деталь народного быта оживает, приходится к месту в строю сегодняшних мыслей и представлений»⁴.

Если говорить об отдельной детали, А. Турков, по всей видимости, прав. Но стихотворение в целом в указанный критиком ряд не укладывается — не ради же того, чтобы «оживить» «ушедшую в прошлое деталь народного быта», создана эта вещь! Более удачной может показаться формула А. Туркова о воссоздаваемом Твардовским «строе сегодняшних мыслей и представлений». Действительно, сопоставление современного самолета с вчерашней переправой наводит на размышления о неизмеримо выросшей ныне, в сравнении с прошлым, подвластности расстояний, о новом ощущении пространства и т. д. — что-то в стихотворении отзывается на такой к нему подход. Ностораживает то, что в таком его истолковании стихотворение начинает «смахивать» на очередную иллюстрацию к теме «русского чуда», а иллюстраций Твардовский, как известно, не любил — «стыжусь торчать с дежурной одой...»⁵. Но главное даже не в этом. Следуя в таком направлении, мы ничего не приобретаем для того, чтобы понять место стихотворения в цикле с ориентацией на «вечные темы» — темы «донышка» неизбежно притягательной жизни; вечного, но всегда неповторимого для человека круговорота «убылей — прибылей» в природе; следа, оставляемого человеком в мире и т. д.

Возможен еще один подход к этому стихотворению. Самолет увиден и услышан не с земли — поэтом воссозданы слуховые и зрительные ощущения, восприятие мира человеком, ведущим самолет. Но воссозданы они не в той естественности, которая отличает непосредственную реакцию человека на что-то им испытываемое, а суммарно — как в достаточной степени общая и приблизительная в своей последовательности характеристика того, чем занимается и что чувствует пилот во время полета. Эмоционально главным в этих воссоздаваемых по памяти ощущениях полета являются не сами эти ощущения — они привычны

³ Твардовский А. Т. Собрание сочинений в шести томах. Т. 3, М., 1978, с. 192.

⁴ Турков А. Александр Твардовский. Изд. 2, испр. и доп. М., 1970, с. 160, 161.

⁵ Твардовский А. Т. Т. 3, с. 144.

для летчика, — а чувство удовлетворения размеренно, буднично и ладно вершащимся делом, «переправным», «перевозным» делом — извечно существующим и нужным людям. Отсюда — настойчивое нагнетание в произведении мотива безаварийности, безостановочности полета.

В разговоре о сущностных ценностях бытия, который идет в этом цикле Твардовского, появление темы радости труда как одной из таких ценностей было бы вполне оправданным. Но дело в том, что и такое прочтение стихотворения оставляет впечатление какой-то неясности, недоговоренности, очевидной недовыявленности его художественной идеи. Чем все-таки вызвано обращение поэта при осмыслении такой темы к посторопшему для него опыту — к работе пилота? Ведь в цикле к общечеловеческому поэт выходит через личное. Да и, собственно, отчетливо ощутимой возможности общечеловеческого «применения» конкретных образных деталей стихотворения о самолете мы в нем не обнаружим: если оставаться в пределах авиационных реалий, речь идет о неопределенно длительном, неизвестно когда имевшем место, но однократном полете и только о полете, а не о труде человека вообще. Сугубая одномерность художественных деталей стихотворения странно диссонирует с образной многомерностью других вещей цикла.

Еще более загадочной выглядит эта одномерность, если вспомнить, что все собирающим фокусом стихотворения является слово «переправа». Оно приобретает здесь какое-то общечеловеческое звучание, обозначая одну из неизменно необходимых людям служб. Но и достаточно широкое содержание этого образа в стихотворении ограничено все-таки прямым смыслом слова — перемещение людей и груза через какое-то пространство.

Между тем «переправа», «перевоз» — образ из любимых у Твардовского. За этим содержательно всегда чрезвычайно значимым и нагруженным образом в творчестве поэта обычно встает какое-то рубежное состояние человека. Переправа, к примеру, возникает в поэме «Страна Муравия» — «У перевоза стук колес...» Видим мы ее глазами тревожно размышляющего о жизни Моргунок, и от этого чисто бытовая сцена начинает восприниматься нами в несколько ином плане — как одно из конкретных проявлений и подтверждений начавшегося великого переустройства крестьянской жизни, сорвавшего героя поэмы с земли. Перевоз, как он видится Моргунком, выдает смятение чувств в душе героя от «необходимости отчалить от привычного, обжитого берега к другому, повитому туманом и еще загадочному»⁶.

Всем памятные и неоднократно описанные у Твардовского военные переправы, каждая из которых представляла собой свой рубеж в жизни война —

Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа⁷.

Характерно еще и то, что, по справедливому замечанию С. Наровчатова, глава «Переправа» в «Василии Теркине» явилась рубежной и во внутреннем развитии темы поэмы — «переправа с одного речного берега на другой, с такой поразительной силой запечатленная в поэме, стала переходом от национальной задачи к всемирно-исторической «ради жизни на земле»⁸.

В годы войны, когда за каждой переправой вставали «бой, кровь, потери, гибельный холод ночи и великое мужество людей, идущих на смерть за Родину»⁹, как символ поруганного войной счастья, как символ родины появляется в поэзии Твардовского («У Днепра») «детской жизни день огромный» — переправа через Днепр в тот «лучший срок из жизни малой», когда

За неведомой, студеной
Полосой днепровских вод
Стороною отдаленной
Нам казался берег тот...¹⁰

Если и не переправа, то опять-таки мотив рубежного отплытия от одного берега к другому возникает у Твардовского и в одном из лучших его произведений, посвященных памяти погибших. — «В тот день, когда окончилась война»: «в счет салюта» палящие стволы навеки разлучают живых и мертвых, говорят о том,

Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль.
Заполненный товарищами берег¹¹

В стихотворении «— Ты откуда эту песню...» С из цикла «Памяти матери», 1965) перевоз с берега на берег начинает означать саму жизнь, безвозвратно уходящую день за днем, перевоз за перевозом: «перевозчик — водогребщик, парень молодой» незаметно становится «старичком седым», исполняющим уже обязанности Харона.

Мы видим, что образ переправы, обогащаясь все новыми приращениями смысла, но неизменно сохраняя в своем содержании какое-то рубежное начало, проходит через все творчество поэта. И мы не можем игнорировать этот большой образный контекст, ведя речь о стихотворении, в котором самолетная струна «брунжит басом», «как канат на переправе», — образные пред-

⁷ Твардовский А. Т. Т. 2, с. 175.

⁸ Наровчатов С. Атлантида рядом с тобой. Критика, полемика, размышления. М., 1972, с. 52.

⁹ Твардовский А. Т. Т. 5, с. 113.

¹⁰ Твардовский А. Т. Т. 2, с. 138.

¹¹ Твардовский А. Т. Т. 3, с. 25.

ставления в поэзии Твардовского устойчивы, случайное словопользование здесь исключено.

Итак, существует два весьма значительных ряда — «вечно-темный» и «переправный», — которым явно принадлежит и в которые явно же не «вписывается» своим содержанием стихотворение о самолете. Все это заставляет предположить существование в стихотворении второго плана. Справедливость такого предположения подтверждается самим Твардовским.

Не однажды случалось, что первоначальная «завязь» того или иного творчески воплотившегося замысла поэта обнаруживалась в его предшествующих произведениях. Основные очертания и композиционно прихотливый рисунок поэмы «За далью — даль», как это уже указывалось в критике, угадываются в записи военных лет о замысле прозаической книги «Поездка в Загорье»¹². Проблематика и в определенной степени образная система последнего сборника Твардовского «Из лирики этих лет» берут начало из стихотворения «Признание» (1951). Есть свой художественный «прототип» и у образа «огромного, грузного, многоместного» самолета. В очерке «За Смоленском» («Родина и чужбина») Твардовский писал: «Когда-то мне казалось недостижимым делом уметь выступить с докладом, «провести беседу», председательствовать на большом собрании и не сбиться в принятом порядке его ведения. Едва прикоснувшись к практике этого дела, вижу, что все это — например, выступление с речью, «проведение беседы» — совершенные пустяки по сравнению с работой. В первом случае достаточно быть «как люди», во втором — только «как сам», со всем риском, трепетом и отвагой, какая нужна, чтобы довериться чему-то исключительно «твоему», зыбкому и как бы вовсе не существующему до некоей апробации. И тогда, как летчик в воздухе, если что у него случилось с машиной, может помочь себе только сам — никто на свете, — решить: продолжать ли полет или садиться на неизвестное поле, сулящее гибель или спасение»¹³.

Мотив «личного риска», неизменно сопутствующего делу художника, является частым в размышлениях Твардовского о трудной жизни в литературе¹⁴, и однажды найденное «после поездки с докладом о литературе к летчикам»¹⁵ сопоставление, в котором бесплотные «риск, трепет и отвага» художника получали возможность пластически-образного воплощения, видимо, пришлось по душе и не раз всплывало в памяти поэта. По крайней мере, один из авторов «Нового мира» в своих воспоминаниях приводит итоговую реплику Твардовского на обсуждении

¹² См.: Твардовский А. Т. Т. 4, с. 279.

¹³ Там же, с. 281.

¹⁴ См., например, письмо А. Твардовского от 21/III—63 г. — Юность, 1974, № 5, с. 69.

¹⁵ Твардовский А. Т. Т. 4, с. 282.

неудачной повести мемуариста на заседании редколлегии журнала, реплику, в которой присутствует то же сравнение: «Вы терпите бедствие в одиночном самолете, мы это видим со стороны, но спасти вас не в состоянии»¹⁶

Используя эту «подсказку» Твардовского, легко перевести авиационные реалии стихотворения «Огромный, грузный, многоместный...» во второй, художнический, план. В совокупности эти реалии составляют единую развернутую метафору, образно выражающую определенные представления поэта о творчестве и собственной судьбе художника.

Сам образ тяжело груженного и «тянущего» через всю страну моторизованного Пегаса, управляемого летчиком-художником, совпадает с нашим представлением о творческом «багаже» поэта. Страницы книг густо заселены народом. Я не говорю уже об очерковой прозе Твардовского с ее установкой донести «читателю — пусть немногие и отрывочные — черты и приметы пержитого, облики — пусть мимолетные и несовершенные — тружеников и воинов родной земли в памятные для всех дальние и ближние времена испытаний и подвигов»¹⁷, но и те, кого Пушкин называл «незримый рой гостей, знакомцы давние, плоды мечты моей», необычайно у поэта многочисленны, пластичны и памятны для всех, начиная от известных каждому «поименно» деда Даниила, Ивушки, Никиты Моргунка, Василия Теркина, Андрея Сивцова и кончая безымянными, но живущими в читательском сознании «во плоти и крови» печником («Ленин и печник») или всеми забытой старушкой «в отпуску с того свету» («— В живых-то меня уже нету...»).

«Струна» — слово традиционно-поэтического употребления («Струн вещей пламенные звуки...» и т. д.). У Твардовского это слово часто используется для определения характера эмоционального звучания того или иного образа. Скажем, в статье «Поэзия Михаила Исаковского»: «На угрюмой и недоброй басовой струне звучат дальние строчки... И вдруг ее сменяет другая струна, звучащая по-иному, печально вопрошающая...»¹⁸. В таком своем значении слово вошло и в стихотворение о самолете: **брунжащая басом тяжелая струна** — здесь выразительная образная автохарактеристика поэта. Эпитет «тяжелая» комментариес не требует. «Бас» — тоже правомерная часть этого сомоопределения, если вспомнить, к примеру, что А. Кушнер писал о «басовой струне» как ведущем некрасовском «звуке»¹⁹, что Блок

¹⁶ Воробьев К. Вызывает Твардовский. — В кн.: Воспоминания о Твардовском. М., 1978, с. 272. См. также: Лакиши В. Твардовский в кругу писателей. — Лит. обозрение, 1981, № 6, с. 102.

¹⁷ Твардовский А. Т. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4, М., 1960. с. 5.

¹⁸ Твардовский А. Т. Т. 5, с. 229.

¹⁹ Вопросы литературы, 1971, № 11, с. 119.

у А. Ахматовой — «трагический тенор эпохи», что Маяковский по Я. Смелякову — «революции трубный бас». Глагол «брунжать» резко индивидуализирует звучание «баса» поэта, напоминая своим стилистическим ореолом о разговорно-бытовом в самых торжественных и высоких даже моментах строю художественной речи автора «Василия Теркина».

«Поднебесная пустыня» — трансформация неизбежно сопутствующего классическому образу «небес избранника» мотива пустыни творчества, пустыни вдохновения в том ее понимании, какое у Пушкина воплотилось в известной формуле «Ты сам свой высний суд...». «Выверенные стрелки» — образ того же круга представлений.

Запись в «Родине и чужбине» и лирическая обработка ее по содержанию отличаются друг от друга. В состоянии «риска трепета и отваги», сопровождающем труд художника, есть нечто общее с тем, что испытывает летчик в полете, — таков смысл прозаической записи. Эта образная аналогия сохраняется, естественно, и в лирическом произведении, но главным здесь становится не само это уподобление. Авиационные реалии стихотворения говорят о требуемом от летчика его работой трудовом усилии, состоящем в необходимости непрерывно поддерживать ровное звучание тяжелой струны самолета. Будучи переведенными во второй план, эти реалии начинают обозначать постоянное, длительностью в жизнь рабочее состояние художника. Оглядываясь на собственный литературный путь, «итога то, что прожил», Твардовский говорит не о нравственно-содержательном своеобразии своего творчества (у Пушкина: «чувства добрые я лирой пробуждал»), а об известной «крестьянской положительности» (это из словаря поэта), свойственной ему в отношении к своему труду. Достоинство жизни измеряется силой и равномерностью «натуги» в делании предназначенного судьбой дела. Мера избрана поэтом не узко профессиональная, а общая для людей любой профессии.

С родственными «натуге ровной» образами мы не раз встретимся в поэтических размышлениях Твардовского о деле художника. И всегда в таких случаях основой образа у поэта является восходящая в своих истоках к реалиям крестьянского быта фразеология народно-поэтических представлений о совершенном труде:

Жить, как живешь, своей страдой бессонной, —
Взялся за гуж — не говори: не дуж²⁰.
Мне нужно, дорого до слез
В итоге — твердое сознание,
Что честно я тянул мой воз²¹.

²⁰ Твардовский А. Т. Т. 3, с. 201.

²¹ Там же, с. 101.

Приведенная заключительная формула стихотворения «О сущем» (1957—1958) знаменательна и смысловым и текстуальным («честно я **тянул**») совпадением с разбираемым нами. Сознание того, что общая жизненная ноша честно разделяется тобой с другими, отнесено здесь поэтом к числу определяющих, наиболее значимых слагаемых полноты жизни и счастья человека.

Обнаружение второго плана в стихотворении «Огромный, грузный, многоместный...» позволяет разрешить все те недоумения по его поводу, о которых говорилось вначале.

Проясняется личная основа раздумий поэта о жизни в этом стихотворении. Сопряжением первого и второго планов выявляется мера достоинства жизни и доказывается общечеловеческая применимость этой меры. Стихотворение в таком его истолковании занимает свое место в «вечнотемном» цикле, в котором оно было помещено поэтом.

Обнаруживается и особое содержание «переправного» мотива стихотворения, содержание, отвечающее значительности этого образного ряда в творчестве Твардовского. В составе развернутой метафоры поэта деталь **струна-канат** говорит о связи людей во времени, осуществляемой художником, неустанно «переправляющим» в вечный мир искусства недолговечный, неумолимо исчезающий, скоротечно бегущий день человеческой жизни. Образ переправы, единосуществуя в стихотворении в прямом и переносном своих значениях, воплощает вечно необходимое дело соединения людей (во времени и пространстве).

В целом стихотворение «Огромный, грузный, многоместный...» — о радости труда, о счастье осознать однажды, в итоге, что ты честно тянул свою нелегкую струну, свой воз в жизни.

И. И. Коган

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ВЛ. СОКОЛОВА

Есть у поэтов обычно заветные слова. Они, как ключи, открывают нам мир, выстроенный творческой мощью таланта. Иногда — это сходная группа слов, понятий, явлений, предметов.

Читая стихи Вл. Соколова, нельзя не заметить удивительно-го пристрастия к зиме. Его поэзию так и хочется назвать «зимней». Перелистайте его книги, и перед вами назойливо замелькают названия: «Мороз», «Зима», «Первый шей», «Январь», «Февраль», «Гололед», «Январский словарь», «Зимнее воспоминание о львовском кладбище», «Зимняя звезда», «Зимняя тень музыканта». А вот первые строчки незаглавленных стихотворений: «Ученический зимний рассвет...», «Эта память как стран-